

Надя Смирнова
Егор Смирнов

Мы всего лишь

ОСКОЛКИ

СОБИРАЯ СЕБЯ
ПО ЧАСТЯМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

Алина Смирнова

**Мы всего лишь осколки:
собирая себя по частям**

«Автор»

2026

Смирнова А.

Мы всего лишь осколки: собирая себя по частям / А. Смирнова —
«Автор», 2026

Я вернулась с задания живой. Мои друзья — нет. Мой дом разрушен. И кажется, я тоже. Но руководство не даёт времени на передышку. Группу «Эпсилон» пополняют пятнадцатью новичками, и среди них, по данным командования, скрывается шпион Сантавии. Теперь враг — среди своих, а подозревать приходится каждого. Но есть ещё одна тайна. Человек, который совсем недавно перестал приходить ко мне в кошмарах. Он на нашей стороне. По крайней мере, формально. И нам приходится работать вместе. Он обещал убить меня при первой возможности. А если я расскажу об этом Косте, под угрозой окажемся мы оба. Я должна научиться снова доверять людям, когда любое доверие может стать смертельной ошибкой. Но как собрать себя заново, если прошлое не отпускает, враг прячется среди своих? И главное, как победить в войне, когда тьма не только снаружи, но и внутри?

© Смирнова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Алина Смирнова, Егор Смирнов, Надя Смирнова Мы всего лишь осколки: собирая себя по частям

Глава 1

Захожу в комнату -661 и застываю у изножья кровати. Мой взгляд скользит с Оли, которая отрывается от книги и смотрит на меня, через мою кровать на кровать Майи. На ней больше нет розового пледа и застелена она обычным серым покрывалом, а на тумбе не толпятся флакончики. Гирлянда с розовыми фонариками переехала и теперь висит между моей кроватью и кроватью Оли. И я знаю почему.

— Прости, я уехала, — говорю я, опускаясь на свою кровать. — Я должна была остаться и помочь здесь. Помочь тебе.

Оля пожимает плечами.

— Тебе надо было отдохнуть. Восстановиться.

Она смотрит прямо на меня, и от ее взгляда не укрывается мой вид – весь полет я как дура лила слезы, пока Костя паялился в свой дурацкий планшет.

— Похоже, тебе это не помогло.

— Похоже, что так, — отвечаю я и провожу рукой под глазами, стирая вновь подступившие слезы. — когда... — я осекаюсь, но все же произношу это, — Когда она умерла?

— Через пару часов после того, как ты уехала, — произносит Оля, а затем встает и пересаживается ко мне. Обнимает.

Я прижимаюсь к ней. Хочу сказать еще что-то, но слова застревают. Сейчас как никогда мне нужна ее поддержка, но вот Оля произносит:

— А ведь это должна была быть я.

И я понимаю: не только мне нужна поддержка, но и ей тоже.

— Все случилось так, как должно было быть, — произношу я и мне самой кажется, что это звучит слишком пафосно и философски.

Оля отстраняется.

— Да-да, я помню. Есть еще пара фраз про принятие. Я это каждый день слышу.

— Прости, — говорю я. — Я тоже не знаю, как это принять.

Оля пожимает плечами, встает с моей кровати и идет к шкафу. Открывает дверцу и глядит на себя в зеркало. Распускает волосы и пальцами расчесывает их, а затем заплетает косу. Я внимательно наблюдаю за ней. Она здесь со мной в одной комнате, но кажется очень далекой.

— Как твоя семья? — спрашивает Оля, не отрывая взгляда от зеркала.

Я тру переносицу.

— Нормально. Все живы. Но дом разрушен. Вчера город бомбили сильно.

Оля поворачивает голову ко мне.

— О-о, — тянет она, — мне жаль. Я видела сегодня в новостях, столько разрушений.

Пожимаю плечами:

— Главное все живы. Костя пообещал, что им дадут квартиру и помогут устроиться, — стираю катящиеся из глаз слезы, — если я подпишу контракт.

— Ты подпишешь контракт, это хорошо, — кажется, она услышала только это, — без тебя мне бы здесь было хреново.

И мы обе умолкаем, понимая, что даже подписанный контракт не гарантирует того, что ближайшие пять лет мы будем служить бок о бок.

Браслет вибрирует, вырывая нас из тревожных мыслей.

«Собрание через 15 минут в переговорной 2».

— Мы планируем новую операцию? — удивляется Оля.

— Понятия не имею, — отвечаю я. Переговорная 2 — это ведь всегда связано с операциями, но сейчас для любой слишком рано. Трусливо думаю о том, что сейчас с радостью бы разобрала вещи или сделала бы что-то еще, но не тащилась бы в переговорную 2. Встреча с остатками группы меня пугает и бережит незажившие раны.

— Пойдем? — спрашивает Оля.

И я почти истерически хмыкаю:

— А есть шанс не идти? — встаю с кровати и говорю серьезно: — Я бы хотела зарыться под одеяло с головой и не вылезать из этой норы никогда.

Оля усмехается:

— Я бы составила тебе компанию.

Она берет меня за руку, и мы выходим из комнаты.

Идем по коридору, и я отмечаю про себя, что муравейник все тот же — гудящий и шумный со множеством снующих туда-сюда солдат. Хотя что-то в моей жизни останется неизменным. Сейчас эти белые стены, лампы дневного света кажутся родными. Ноги привычно ступают по бесконечным ступеням и вдруг я понимаю, что в этот муравейник для меня больше не безлик. Он стал моим домом и дарит ощущение спокойствия.

Доходим до переговорной номер два, Оля давит на кнопку и заходит первой. Я вхожу сразу следом и застываю на месте. Переговорная пуста. Мы еще ни разу не приходили первыми.

— Можно выбрать удобное место, — медленно говорит Оля, проходя вокруг стола.

— Что-то парни не торопятся, — замечаю я и перевожу взгляд на часы: прошло семь минут.

— Думаю сяду здесь, — с этими словами Оля усаживается на один из стульев, лицом к двери, игнорируя мое замечание. — Буду хорошо видеть входящих. Да и вообще... — Она не договаривает и хлопает ладонью по соседнему стулу, — иди сюда, усаживайся.

Я иду к ней и сажусь на стул рядом и снова смотрю на браслет, будто могло пройти несколько минут. На самом деле не прошла даже одна.

Оля больше ничего не говорит и барабанит пальцами по столешнице. А я сижу и разглядываю ее пальцы, методично отбивающие ритм. Замечаю, что ее руки выглядят не так, как обычно. Ухоженные ноготки и бархатистая кожа куда-то делись, а уродливо содранная кожица вокруг пальцев появилась. Ногти не аккуратно подпилены, а как-то наспех отрезаны.

Глядя на Олины руки сейчас, я невольно вспомнила Сюзанну. Мне кажется ее руки выглядели точно так же. Нет, наверное, хуже. Но все же я поднимаю глаза и смотрю на лицо подруги, пытаюсь разглядеть шальной взгляд или ужасающую пустоту, которая была иногда у Сюзанны.

Оля смотрит куда-то вверх в сторону. Глаза как глаза. Она выглядит усталой и изможденной, но ее взгляд абсолютно осмысленный и нормальный. И я облегченно выдыхаю.

Поднимаю глаза и ищу то, на что направлен взгляд Оли. Она смотрит на камеру, что маячит в углу. За нами наблюдают. Всегда наблюдают.

Наконец, дверь открывается и появляются парни. Они заходят все разом, не хватает лишь нескольких человек.

— О, Настюха, привет, — говорит Егор. — Что-то не похоже, что ты отдыхала.

— Да, курорт был так себе, — шучу я в ответ.

— На одну звезду?

На секунду задумываюсь и отвечаю:

— Я бы поставила все-таки две.

Здоровуюсь с остальными. Отмечаю про себя что Пашка перестал выглядеть так жалко, как в нашу последнюю встречу и даже пожал мне руку, а Никита чем-то обеспокоен.

— Привет, — здоровается он и не дожидаясь моего ответа, усаживается на стул рядом. Скрещивает руки на груди и смотрит куда-то в сторону, сводя брови.

Перевожу взгляд туда же, куда направлен его и замечаю Егора и Ваньку. Они усаживаются на стулья в дальнем от нас углу. Егор беспокойно осматривается, а Ванька просто смотрит в пол.

Мой желудок предательски урчит, и я вспоминаю, что совсем забыла про еду. Мне надо было заглянуть в столовую, все же сегодня я совсем ничего не ела, да и вчера полноценным был только завтрак.

Я отвлекаюсь на мысли о еде, думаю о том, удастся ли мне урвать хоть кусочек хлеба в столовой до обеда. И будет ли на это время.

Снова открывается дверь и заходят Костя, Сергей, Ромка и Влад. Последний сосредоточенно жует жвачку, нажимает кнопки и свет в кабинете гаснет, а наш стол начинает свою работу, показывая трехмерное изображение герба Креславии — восходящее из-за горизонта солнце в окружении причудливо изогнутых деревьев.

Сергей все еще передвигается с клюкой и тяжело опускается на стул. Ромка и не думает садиться. Он приваливается к стене, скрестив руки на груди, все такой же лениво расслабленный, как и всегда.

А Костя швыряет свой планшет на стол и звук такой громки, что не только я, но и остальные вздрагиваем. Он становится позади стула и опирается руками на его спинку. Обводит нас взглядом и начинает говорить:

— Сегодня, ближе к вечеру к нам пришлют пятнадцать человек. Они будут нашей второй половиной группы. Выбирал не я, а этот по развитию военных проектов Стрючков. И сейчас я хочу, чтобы вы узнали о них некоторую информацию, — он берет планшет в руки. — Итак, начнем.

Костя нажимает кнопку и на столе появляется фотография и краткая информация о человеке.

— Васильев Артем Викторович. Возраст 27 лет. Окончил так называемую черную академию. Далее был диверсантом. Последние три года в разведке. Имеет награды...

— Извини, перебью, — вклинивается Сергей, сводя брови: — ты с ним знаком?

— Да, — коротко отвечает Костя, — в академии учились вместе.

— И? — тянет Сергей. — Надеюсь, ты его головой в сортире не мочил?

— С чего вдруг? — удивляется Костя.

— Ну, по твоим рассказам ты был не очень хорошим мальчиком... — замечает Сергей.

— Нет, — отрезает Костя. — Я бунтовал, но не до такой же степени. Насколько я помню, он всегда был середнячком, непримечательным. Мы никогда особо и не общались.

— Ладно, давай дальше.

И дальше нам показывают еще четырнадцать человек — трех девушек и одиннадцать парней с краткой информацией о каждом. Не знаю, зачем нам это. Мы бы и потом познакомились. Но это хорошо, потому что я ненавижу тренироваться на голодный желудок. Интересно, сколько сейчас времени? Может, уже скоро обед. Я борюсь с соблазном посмотреть на часы в браслете.

Настя, сосредоточься, Костя зачем-то нам это показывает, значит считает важным, а ты настойчиво вспоминаешь что сегодня будет на обед.

Смотрю на экран и вижу лицо парня: короткие темные волосы, волевой подбородок, но в принципе ничем и не примечательный. Костя зачитывает, в чем он отличился, и я понимаю, что он пополнит ряды наших умников. Костя нажимает кнопку и изображение меняется. Теперь

на экране девушка. Блондиночка с голубыми глазами, выглядит нежной и ранимой, и мне она напоминает Снежану. Перевожу взгляд на возраст — двадцать один год. Совсем молоденькая, такая же, как и я. Костя коротко рассказывает о ней: закончила академию в Вершках, два года провела в отделении диверсантов.

Экран гаснет и свет включается. Влад кивает Косте и тот произносит медленно и громко:

— А теперь, внимание, один из этих пятнадцати поставлен нам для слежки. Мало кому понравился наш прошлый самовольный загул. Поэтому этот человек должен выявить все не те помыслы и действия и доложить кому следует.

От этих слов мы все замираем, каждый на своем месте. Теперь за нами будут шпионить свои же. А Костя продолжает:

— И да, не стоит забывать, что, возможно, среди них затесался и еще один наемник Сантавии.

И от этих слов мое дыхание сбивается. Я делаю вдох, но чувствую, как меня начинает предательски тошнить. «Наемник Сантавии» — шпион, способный нам самим подсунуть вирус. Тот самый вирус, благодаря которому удалось выкосить «Дельту». А мы так и не научились его вычислять.

— Небывалый оптимизм с самого утра, — замечает Ромка. — Может мы их сначала попытаем в допросной, чтобы получить больше доверия.

Мы все смотрим на него, а Костя качает головой. Нет. Мы никого пытать не будем. Я вижу на лицах собравшихся, что перспектива одного-двух шпионов, которые в скором времени окажутся в наших рядах им так же не нравится, как и мне. Но вот мой мозг выхватывает одно лицо, странно пусто смотрящее туда, где еще минуту назад светился экран и меня передергивает. Я помню этот взгляд. Его не более часа назад я искала у Оли.

Егор толкает Ваньку в бок, и я читаю по губам: «Опусти глаза... Экран давно погас».

Вот же черт! Может, мне просто кажется? Я выпрямляюсь на стуле и смотрю внимательно. Нет. Мне не кажется.

— В общем, не болтаем и ведем себя прилично, — заканчивает Костя, так, будто мы ученики в школе и к нам должна прийти на урок завуч.

— Камеры можно включать? — спрашивает Влад.

— Валяй, — отвечает Костя, — и все пока свободны. Можете отдыхать. — говорит он и добавляет: — Пока отдыхать.

Глава 2

Мы выходим из переговорки вслед за Костей молча. Наверное, сейчас не только я, но и остальные перебирают в голове все пятнадцать лиц, увиденных на экране. Черт, надо было хотя бы слушать, что говорит Костя. Как понять, кто из них предатель? Может, самый первый Артем, как его там? Или последняя девочка? Нет. Девочка вряд ли. Слишком молодая, к тому же лицом легкая, наивная, как Снежана. Я все не могу отделаться от ассоциации ее с моей сестрой.

А затем чувствую, как ладони потеют. Я выбралась с базы врага лишь потому, что меня тоже считали слишком молодой, испуганной и глупой.

Смотрю на Костю, остановившегося рядом с Кириллом в коридоре, и поднимаю руку в знак приветствия. Кирилл с невозмутимым видом кивает. Вот из него бы получился идеальный шпион. Он же непробиваем. Может с каменным лицом ходить целый день, не проявив ни одной эмоции.

Прикрываю глаза. Шпион — человек из пятнадцати, не Кирилл, который здесь давно. Кирилл дружит с Костей и Сергеем. Ему можно доверять. Но что, если он втерся к ним в доверие, лишь чтобы они думали, что ему можно доверять?

Оля толкает меня в бок.

— Как думаешь, кого к нам поделят?

— А? — я сначала не понимаю, о чем она. Комната. Наша комната на троих. Нам поделят еще одну девушку, и она займет кровать Майи.

— Мне бы не хотелось, чтобы с нами жил еще кто-то, — произносит Оля, вздыхая.

Я сглатываю.

— Мне бы тоже.

Через полчаса мы обнаруживаем, что Косте, похоже, не нравится мысль о подселении к нам возможной шпионки, и мы получаем на браслет сообщение: *«Перейти с вещами в -555»*

С Олей молча собираем свои небольшие пожитки и идем на этаж выше. Заходим в -555 и осматриваемся. Эта комната на двоих, и в ней все то же самое, что было у нас прежде. Кровати, стол, стулья, шкаф — все такое же, безликое и простое.

Все так же молча раскладываем вещи. Желудок снова напоминает о себе урчанием. Я пытаюсь думать об обеде — это проще, чем думать о шпионах. Но мысль о Ванькиных пустых глазах возвращается, перебивая голод.

— Оля, — обращаюсь я, и подруга, укладывавшая свои вещи в тумбе, смотрит на меня. — Ваня, он в порядке?

Оля сглатывает, отворачивается от меня и принимается перекладывать несессер.

— Как и все мы. Ты же тоже не в порядке.

Киваю. Да. Я не в порядке. Но я не об этом. Я о пустых глазах.

— В переговорке мне показалось... — начинаю я, и слова гаснут. Я не знаю, как правильно продолжить. Может, я себя накручиваю. — У него был такой взгляд. Будто он вообще не понимал, что происходит.

Оля неопределенно хмыкает и смотрит на меня:

— Ты свой взгляд видела? — отворачивается к тумбе и снова в ней что-то перекладывает. — У тебя такой взгляд, будто ты нас всех сейчас прирежешь.

Слова ударяют меня наотмашь. Нет. Она все придумывает. Не такой. Подхожу к шкафу и открываю дверцу. Как бы ни было это глупо сейчас, смотрю на свое отражение. Взгляд как взгляд. Уставшая — да. Заплаканная — да. Безумная — ... и тут я в мыслях спотыкаюсь. Нет. Определенно нет. Или все же да?

Браслет вибрирует: «-573». Тупо пялюсь на цифры на экране. Костя зачем-то зовет меня к себе. Теперь мне даже не надо переходить с этажа на этаж. Просто пройти вглубь коридора.

Выхожу из комнаты и вижу парней из группы. Ванька с Никитой быстро заходят в комнату напротив нашей с Олей, а Егор останавливается в коридоре, сжимая сумку в руках. Бросает мне:

— Что, вас тоже переселили?

— Да, — киваю я и делаю несколько шагов ближе. Я еще помню о пустых глазах. — А у вас комната на троих? — спрашиваю я, будто интересуюсь комнатой.

— Ага, — отвечает Егор. — В принципе, как и была. Только этаж выше. — Он говорит просто, почти так же, как и раньше: — Теперь в картишки вечерами удобно резаться будет. Ходить недалеко.

Егор становится на моем пути, не давая зайти к ним в комнату, и от этого гнетущее чувство только усиливается.

Не знаю, что ему сказать. Стою и мнусь, как дура. А он все так же не двигается с места, перекрывая мне проход в комнату. Да мне и не нужно туда. Мне нужно к Косте. Но мы стоим и молча смотрим друг на друга.

Наконец, Егор смотрит по сторонам и делает шаг ко мне, становясь совсем рядом.

— Настюха, не лезь. Мы сами разберемся. Все окей будет.

Я киваю. Мне не кажется. Выдавливаю из себя улыбку.

— Ладно. Я пошла, — показываю ему сообщение на браслете: — Костя что-то к себе звал.

Разворачиваюсь и иду по коридору к Косте. Нажимаю кнопку на его двери и захожу внутрь. Костя даже не смотрит на меня. Сидит в кресле, закинув ноги на стол, и смотрит в планшет. Я подхожу ближе и замираю рядом с ним. Мне хочется залезть к нему на колени и свернуться клубком. Но он не скидывает ноги, не смотрит на меня, а лишь в планшет, где что-то нажимает, печатает и отправляет.

Я не тороплю его. Я уже поняла, что он скажет, и мне хочется оттянуть момент.

— Насть, — тянет Костя, но по-прежнему смотрит в экран. — Я тебя с Олей переселил... Сглатываю комок.

— Я заметила.

Костя хмыкает и наконец нажимает кнопку, блокируя экран, и откладывает планшет в сторону.

— Это хорошо, что заметила.

Костя берет мою руку в свою. Смотрит на мои пальцы, перебирает их. Вот сейчас он произнесет это. Я чувствую, как слезы собираются в моих глазах, и Костя начинает:

— Мы с тобой были неосторожны...

Я знаю это. Но дальше он произносит совсем не то, что я ожидаю.

— Сейчас отрицать это просто нет смысла. Целоваться в коридоре, конечно, не надо, но и скрывать особо тоже.

Я смотрю на него во все глаза.

— Но как же шпион?

— Кстати, о шпионах, — тон Кости меняется, становится деловым, — у нас будет три девушки. Присмотрись к ним. Подружись. Ты должна узнать каждую лучше, чем саму себя. Ясно?

Он так спрашивает: «Ясно?», что мне хочется ответить «Так точно!», но я делаю глубокий вдох и произношу:

— Из меня шпионка так себе.

Костя убирает свою руку и тянется к планшету.

— Ты себя недооцениваешь. Ты выглядишь беззащитной и знаешь, как ведут себя люди, которые врут. Тут просто смотри, слушай, запоминай, втирайся в доверие. А вечером будешь приходить и рассказывать мне.

— И ни у кого не возникнет вопроса, почему по вечерам я хожу к тебе, — заканчиваю я за него.

Костя улыбается:

— Вот видишь, суть ты уяснила, — а затем смотрит в планшет, что-то нажимает и произносит: — Ты хочешь мне что-то еще сказать.

И мое сердце пропускает удар. Он спрашивает? Или так пытается меня выгнать? По интонации мне вообще непонятно. Но я знаю, что должна сказать — про Ваньку и свои подозрения. *«Мы сами разберемся»*. Я же кивнула, не стоит лезть. Думаю, парни могут уладить это сами. Они же не хотели, чтобы я говорила Косте. Они же мои друзья. А Костя... Костя — мой командир, начальник, который и не смотрит на меня сейчас.

Нет. Я должна сказать.

— Ну так что? — Костя снова смотрит на меня, выжидая.

Я качаю головой.

— Ничего. Мне идти?

При моем ответе его лицо меняется. Он сжимает челюсти, отворачивается от меня и произносит жестко:

— Да.

На ватных ногах я выхожу в коридор и прислоняюсь к стене. Это все бред, успокаиваю я себя. Мне показалось. Сжатые челюсти были всего лишь реакцией на что-то в планшете. Не ко мне. Или все же он знает, что я вру?

Иду в свою комнату и обнаруживаю, что Оли нет: она куда-то ушла. Мне не хочется идти ее искать по всей базе. Открываю свою тумбу и смотрю на ее пустоту. В ней только то, что мне выдали на базе. Все родное мне, мое личное, осталось там, в разрушенном доме.

Снова возвращаюсь мысленно к блондинке с голубыми глазами: почему она напомнила мне сестру, а не Майю? Майя же тоже была блондинкой. Но нет. В ней есть тоже что-то такое мягкое, притягательное, доверчивое.

Надеюсь, увижу ее вечером, и моя иллюзия сходства будет разрушена.

Глава 3

Весь день мы занимаемся ничем. Похоже, Костя и Сергей совсем забыли на тренировки и у нас до семи вечера все время свободно, и если раньше мы использовали его для веселья, то теперь попрятались по своим комнатам и сидим в тишине.

А тишина для меня губительна. Я все больше думаю о своем разрушенном доме и домашних. Нужно отвлечься, заняться чем-нибудь, но, когда я предлагаю Оле пойти в зал, она показывает мне на руку.

— Гипс только вчера сняли. Не хочу лишний раз напрягать.

Я киваю, и она снова утыкается в книгу. Долго-долго смотрю на нее. Не могу даже понять: она читает или только делает вид. Наконец, я не выдерживаю и задаю вопрос:

— Как думаешь, мы сможем закончить войну? — Я не произношу вслух, что имею в виду уничтожение командования Сантавии. Но Оля, кажется, понимает меня и без объяснений.

Она отвечает не сразу.

— Возможно, хотя мне кажется, что нет.

— Мне тоже так кажется, но мы же должны в это верить.

— Должны, только вот можно ли разогнать тьму снаружи без света внутри?

Я не отвечаю. Ложусь на свою кровать и позволяю мыслям поиграть в моей голове. Представляю все самые худшие сценарии: меня убьют, и моя семья окажется на улице, бомба упадет в дом, в котором теперь они будут жить... Прокручиваю их в голове, но не сосредотачиваюсь ни на одном. Мне кажется, во мне уже не осталось ничего светлого, радостного и чистого, и теперь я всегда буду ждать худшего. Закрываю глаза, пытаюсь в своем разуме найти хоть что-то неиспорченное, и постепенно засыпаю.

Я дома. Лето, солнце, кудахчут куры. Машутка, Натусик, Карина — мои бусины-конфетки устраивают прятки во дворе. Они играют, а я понимаю, что мне нужна помощь: сорняки на грядках совсем разрослись, надо бы сказать им, что хватит играть, — пора за дело. Но я не говорю. Сама как дура наблюдаю за их игрой и не делаю ничего.

Появляется Снежана. На ней парадное платье в легкомысленный цветочек, на руках Илюшка в светлом комбинезончике.

— Ты куда-то собралась? — спрашиваю я, щурясь от солнца.

Снежана улыбается мне.

— На танцы, — просто говорит она и протягивает мне сына. — А ты пока посиди с племянником.

Я беру его на руки. Он тяжеленький и теплый, улыбается мне, и я улыбаюсь ему.

Солнце куда-то уходит, и я задираю голову и вижу над собой звездное небо. Уже наступила ночь, а я и не заметила. Смотрю по сторонам: Снежаны нет, бусины тоже куда-то ушли, но на руках у меня по-прежнему Илюшка. И он все так же улыбается мне, а затем, совсем как взрослый, говорит:

— Мама не шпионка. Хватит подозревать ее.

Меня охватывает ужас. Я хочу бросить его на землю, но я не могу. Он же маленький, ему нужна моя забота, но этот голос, такой взрослый, такой хитрый... Он обманывает меня, я чувствую это.

Мечусь по саду, не зная, что делать, а этот хитрюга-младенец повторяет:

— Мама не шпионка. Убеди всех, что шпионка не она.

Меня кто-то толкает за плечо. Сильно так трясет, и образ Андрюшки гаснет.

— Насть, проснись. У нас сейчас ужин, а затем собрание.

Я, шурясь, смотрю на Олю, пытаюсь понять, где мы. Новая комната. Сейчас ужин, и будет собрание, на котором я увижу эту не-Снежану. Мои руки обнимают одеяло, так же как я обнимала младенца во сне.

Все хорошо, убеждаю я себя, идя в столовую с Олей. Ничего не хорошо, напоминаю я себе. Дом разрушен, семье негде жить. Надо было сегодня самой спросить у Кости про чертов контракт, а ты, дура, взяла и уснула. Сегодня у нас будет знакомство с новичками, два из которых, возможно, шпионы. Я и сама должна побыть шпионкой, сблизиться с тремя девушками. Почему с ними? Костя подозревает только трех? Или же кто-то получил задание на остальных?

Осматриваю за ужином собравшихся. Мы едим молча. Каждый упорно смотрит в свою тарелку и поглощает ужин. Кости и Сергея за столом нет, а Ванька выглядит лучше, если можно так сказать про человека с серым землистым лицом и черными кругами под глазами. Но сейчас взгляд вполне осмысленный, так что действительно лучше.

После ужина идем в переговорную номер один для личного знакомства с новичками. Нет, неправильно, они не новички, они все старше меня или Оли, и у каждого за плечами множество выполненных военных операций.

Смотрю на Олю и обнаруживаю, что она смотрит на меня.

— Волнуешься?

— Да, — отвечаю я.

— Я тоже, — произносит она и сжимает челюсти, а затем мы заходим в переговорную вслед за нашей мужской частью группы.

В переговорной шумно. Все здороваются, пожимают руки. С удивлением понимаю, что некоторые уже знакомы: кто-то по школьным годам, кто-то по армии. Наш Пашка быстро жмет руку тому непримечательному парню, чье фото я видела перед не-Снежаной, и обменивается с ним парой фраз.

Когда мы отходим и становимся рядом, прижимаясь к стене, я спрашиваю:

— Откуда знаешь?

— Я в старших классах с ним ходил на программирование, — отвечает он. — Марк-Петя старше года на три и тогда был нереально крут.

— Ясно.

Дальше мы не разговариваем. Я думаю о шпионе. Косте просто надо было расспросить, кто кого знает и таким способом отсеять лишних. Судя по всему, круг незнакомых людей можно сузить до пяти-шести человек, остальные — все кого-нибудь да знают.

Смотрю на не-Снежану, и мое сердце сжимается. Почему-то вживую она напоминает мне ее еще сильнее. Стоит в стороне, прижавшись к стене и так же, как и я, осматривает собравшихся. Рядом с ней брюнетка с самоуверенным лицом смотрит на всех свысока, а затем что-то говорит девушке, стоящей справа от нее, и та усмехается в ответ. Эта девушка ее подруга, я понимаю это потому, как она придвигается ближе и что-то быстро показывает ей пальцами. Они обе легко понимают свои жесты, считывают их и смеются.

Ох и задачку задал мне Костя. Подружиться с этими тремя. Эта задачка была бы посильна для Оли, ведь она всегда со всеми легко находит общий язык. Оля будто слышит мои мысли и чуть сжимает мою руку, а я вдруг понимаю, что ладонь у нее потная, влажная.

Перевожу взгляд и смотрю туда, куда смотрит она: на Костю, Сергея и этого, как его там, мы видели его фото первым. Артем. Да, Артем, тот, который учился с Костей в академии. Они все трое о чем-то болтают, даже смеются.

Костя, хватит с ним болтать. Ты же сам сказал, что и не общался с этим Артемом в академии, но ты же знаешь его, значит, он не шпион. Посмотри вокруг, шпионом должен быть тот, кто молчит.

Но потом я вспоминаю Кирилла с его непробиваемым лицом. Его даже я знаю уже год. И еще утром я подумала о том, что он вполне мог бы быть шпионом.

Вот Костя смотрит на браслет, встает и командует нам:

— Умолкли все.

И все тут же замолкают.

Он начинает говорить, и я понимаю — приветственная речь та же самая, что и когда в группу попала я. Правила группы о том, что главный всегда Костя, о конфликтах и прочем. На третьем пункте я перестаю слушать и снова обвожу взглядом собравшихся и натыкаюсь на нагловатые глаза напротив меня, у противоположной стены.

Эти нагловатые глаза рассматривают меня, а их обладатель, заметив, что я смотрю на него в ответ, не отводит взгляд, а нагло улыбается мне. Ему лет двадцать пять, заложил руки в карманы и стоит так, будто пришел на танцы и высматривает подходящую девушку для знакомства.

Снова смотрю на Костю, а он зачитывает правила, будто не замечая никого вокруг. Переходит к шестому. Правило о запрете отношений. Поворачиваю голову и впиваюсь взглядом в наглые глаза, но никакие правила его не смущают.

А Костя заканчивает свою речь словами:

— Рома сейчас вам экскурсию по базе проведет. Новички — на экскурсию, остальные свободны.

Мы все вместе выходим из переговорки, немного тормозим у двери, которая не способна выпустить тридцать человек разом. Я ощущаю легкое незнакомое прикосновение к своей руке и вздрагиваю. Поворачиваю голову и вижу обладателя наглых глаз:

— Номер комнаты не подскажешь? — спрашивает он меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.